Og Mandino

A BETTER WAY TO LIVE

BANTAM BOOKS

NEW YORK • TORONTO • LONDON • SYDNEY • AUCKLAND

Or Мандино

Ключ к лучшей жизни

Очередная книга Ога Мандино принесет несомненную пользу каждому, для кого она станет личной книгой жизни. С ней читатель сможет мужественно, с достоинством и уверенностью в своих силах шагнуть вперед, бесповоротно изменить свою жизнь к лучшему.

Для широкого круга читателей.

рукопись следует озаглавить иначе, чем “Величайшие секреты успеха” — обычное рекламное название для моих лекций и выступлений. Но как? Прошло несколько тягостных недель, в течение которых мы обменивались идеями без особого успеха.

Для большинства авторов не составляет труда писать книгу, не имея заглавия. Они просто пишут главу за главой, будучи уверенными, что в какой-то момент до завершения работы либо они, либо их издатели придумают что-нибудь достаточно привлекательное для украшения обложки. Но ко мне это не относится. Я всегда нуждался в названии; это знамя, вокруг которого я могу собирать свои мысли и чувства, не только сидя за пишущей машинкой, но и в свободное время.

Начиная с “Величайшего торговца в мире” .(1967), я знал заглавие каждой из тринадцати моих книг еще до того, как напечатал первое предложение. Поскольку эта процедура помогла продать более двадцати миллионов экземпляров книг на восемнадцати языках, я никоим образом не собирался менять свою привычку. А затем, как это уже не раз случалось в моей жизни, — рок, случай, совпадение, удача или Бог (называйте как хотите) вмешались и решили мои сомнения.

Когда другой посетитель парикмахерской расплатился за стрижку, он нерешительно приблизился к моему креслу и сказал:

— Мистер Мандино, по-моему, вы пишете отличные книги. Я дантист и веду курсы по самооценке для других членов нашего сообщества. По причинам, которые до сих пор остаются не вполне понятными, уровень самоубийств среди зубных врачей — один из самых высоких в стране по сравнению с другими профессиями. Я пользуюсь вашими книгами для подкрепления тех жизненных принципов, которым учу своих слушателей.

Я пробормотал несколько слов благодарности, пока он открывал дверь. Перед выходом на улицу он помедлил, повернулся ко мне и сказал:

— Из книг, написанных вами, мне больше всего нравится “Выбор”.

Я улыбнулся и кивнул.

— Да, я вложил в нее немало душевных сил.

— Так я и думал. Скажите, вы готовы принять предложение от вашего беззастенчивого поклонника?

— Вы еще спрашиваете!

— Так вот, в книге “Выбор” ваш герой устраняется от корпоративной жизни и пишет книгу с удачным названием, которая становится потрясающим бестселлером. Мне хотелось бы, чтобы вы серьезно подумали о создании рукописи с таким же названием. Возможно, вы даже воспользуетесь им в той новой книге, о которой только что говорили с Доном. Вы можете взять правила и предложения для бо-

Тейлор Колридж[3], "случай — это лишь псевдоним Бога для тех особенных событий, когда Он не хочет открыто обозначать свое присутствие".

Мы с вами встретились по какой-то особенной причине. Давайте же извлечем наибольшую пользу из этой встречи.

II

Теперь, раз уж нам с вами суждено провести вместе некоторое время, я предлагаю сделать это прямо здесь, в моем кабинете — в той комнате, которую мои дети называют "папиной фабрикой слов". Я, как обычно, сижу за своим письменным столом, а вы во время визита можете удобно устроиться в старом кресле с высокой спинкой лицом ко мне.

Большей частью я буду говорить, а "вы — слушать. Хорошо?

Помните наставление Генри Давида Торо в его классическом романе "Уолден"? Он сказал, что если мы строим воздушные замки, то работа не пропадет впустую, ибо там они и должны находиться. Потом он предложил нам подвести основу под наши творения.

Я собираюсь рассказать вам о некоторых мощных орудиях, которыми вы сможете воспользоваться не только для того, чтобы строить свои замки, но и для того, чтобы подводить под них незыблемый фундамент. Вы научитесь тому, как воплощать многие свои мечты в действительность. Но... вы должны слушать с открытым умом и сердцем, а потом действовать. Все благородные мысли, грандиозные планы и "секреты" достижений не представляют особой ценности, если не использовать их на практике. Человек может доказать, чего он стоит, лишь своими поступками, а не намерениями, пусть даже самыми добрыми.

Несколько, лет назад, разъезжая по стране с рекламной кампанией одной из моих книг, я появился на телевизионном шоу в Хьюстоне. Как только я занял место на сцене и аплодисменты в зрительном зале немного стихли, Стив Эдварде, ведущий ток-шоу, взял мою последнюю книгу и спросил:

— Ог, что ваша новая книга может сделать для меня[9]

Вполне уместный вопрос, но меня все равно ошеломила прямота, с которой он был задан. Ни на одном из прежних выступлений мне не задавали такого вопроса.

Секунду-другую я медлил, собираясь с мыслями, и наконец ответил:

— Наверное, не очень много, Стив. В конце концов, это всего лишь сочетание бумаги, клея и печатной краски. Если ты возьмешь книгу домой сегодня вечером, прочтешь ее от корки до корки и проснешься завтра, ожидая, что твоя жизнь чудесным образом изменится к лучшему, то ты зря потратишь свое время и деньги.

Стив улыбнулся и откинулся на спинку стула с таким видом,

словно знал, что будет дальше. Я начал объяснять ему и зрителям три условия, необходимые для того, чтобы в полной мере извлечь пользу из любой качественной книги, написанной для обучения, мотивации или вдохновения.

Во-первых, вам следует признать, что в вашей жизни существует одна или несколько категорий — например, карьера, брак, жизненные цели, материальное положение, самооценка, отношения с детьми, — которые определенно нуждаются в улучшении. Это нетрудно. Мы не обладаем божественным совершенством.

Хотя мы можем обманывать других людей, но мы не в состоянии полностью скрыть правду от самих себя. Мы знаем, чего нам не хватает.

Теперь, подведя мысленный баланс по различным позициям своей жизни, вы должны выработать открытое и восприимчивое состояние ума, необходимое для того, чтобы извлечь максимальную пользу из книги, которую вы читаете, будь ее автором Пил, Мальц, Хилл или Стоун... или Мандино. Как это сделать? Согласитесь с возможностью того, что автор способен поделиться с вами ценными сведениями, приобретенными за многие годы исследований, личного опыта и наблюдений. И, разумеется, репутации вашего советчика ничуть не повредит, если в его пользу могут высказаться несколько миллионов довольных читателей.

И еще одно условие. Можете скрипеть зубами, если вам так хочется, но признайтесь самому себе, что путь, по которому вы следовали в поисках счастья, успеха, благосостояния и душевного покоя, до сих пор ни к чему не привел, хотя страницы вашей жизни начинают переворачиваться со все возрастающей скоростью. Если вы согласны с такой краткой сводкой состояния ваших дел, спросите себя, что вы потеряете, если будете следовать некоторым правилам и предложениям, которые в принципе могут открыть путь к лучшей жизни — ради вас самих и тех, кого вы любите.

Мне нужны определенные обязательства. Я хочу получить искреннее обещание, что вы действительно будете работать над принципами, которыми я собираюсь поделиться с вами. Без показухи... и без ложной гордости. Никто не может добиться успеха в полном одиночестве. Всем нужна помощь, чтобы совершать великие дела или оправиться после личной трагедии. Ни один человек не может быть островом. Не существует таких мужчин или женщин, которые “сделали себя сами”, поэтому пожалуйста, позвольте мне помочь вам.

Возможно, вы еще слишком молоды, чтобы помнить ее, но Лилиан Рот была превосходной актрисой. Несколько десятилетий назад ее карьера утонула в море выпивки. Однако годы спустя трагическое падение и захватывающая история борьбы Лилиан Рот с алкоголем была подробно описана в сильной книге, а затем в фильме с тем же названием “А завтра я заплачу”. Во многих последующих интервью

она снова и снова признавалась, какой абсолютно беспомощной себя чувствовала, пытаясь справиться с проблемой самостоятельно, пока наконец не смогла сказать три коротких слова: “Мне нужна помощь”.

Всем нам нужна помощь. В связи с этим- я часто вспоминаю апокрифическую, но трогательную историю братьев Альберта и Альбрехта Дюреров, рассказанную много лет назад моим покойным другом и наставником Луисом Бинстоком, уважаемым раввином чикагской церкви “Шолом”.

В середине пятнадцатого века в крохотной деревушке неподалеку от Нюрнберга обитало семейство, насчитывавшее восемнадцать детей. Восемнадцать! Чтобы прокормить такую ораву, отец и глава семьи, золотых дел мастер по профессии, работал почти по восемнадцать часов в сутки и брался за любые оплачиваемые поручения. Несмотря на вроде бы безнадежное положение, у двоих детей Альберта Дюрера-старшего была мечта. Оба хотели развивать свой талант в живописи, но прекрасно понимали, что у отца никогда не будет достаточно денег, чтобы послать хотя бы одного сына в Нюрнберг, учиться в Академии. После долгих ночных дискуссий в постели мальчики наконец пришли к соглашению. Они решили бросить монету. Проигравший отправится работать в ближайшие рудники и Своим заработком будет поддерживать брата во время его учебы в Академии. Затем, когда победитель закончит учебу, он в течение четырех лет должен будет помогать другому брату, либо продавая свои полотна, либо, если это будет необходимо, тоже трудясь на руднике.

Они подбросили монетку воскресным утром, после церковной службы. Альбрехт Дюрер выиграл и отправился в Нюрнберг. Альберт спустился в опасные подземные шахты и в течение следующих четырех лет финансировал своего брата, чьи работы в Академии имели почти немедленный успех. Гравюры Альбрехта, его работы по дереву и живопись маслом были гораздо лучше, чем у большинства его учителей. После окончания Академии он стал получать значительные суммы от продажи своих картин.

Когда молодой художник вернулся в свою деревню, семья Дюреров устроила праздничный обед на лужайке в честь триумфального возвращения Альбрехта. После долгого и памятного торжества с обилием музыки и смеха Альбрехт поднялся со своего почетного места во главе стола и произнес тост в честь любимого брата, чья жертва позволила ему осуществить свою мечту. В заключение он сказал:

— А теперь, Альберт, мой милый брат, — теперь твоя очередь. Ты можешь отправиться в Нюрнберг за своей мечтой, а я буду заботиться о тебе.

Все головы повернулись к дальнему концу стола, где сидел Альберт. По его бледному лицу струились слезы. Он качал низко опущенной головой, всхлипывал и повторял снова и снова:

— Нет... нет... нет...

реликвий моего прошлого. Я надеюсь, что, посмотрев и потрогав некоторые из этих предметов, вы начнете смотреть на меня как на старого и преданного друга. Тогда вам будет гораздо легче понять и принять мои идеи.

Внимательнее смотрите под ноги. Вот стопка новых книг, которые я надеюсь прочитать за следующие несколько месяцев, а рядом с ними, на коврике — несколько рукописей, полученных как от друзей, так и от незнакомых людей. Они ждут моего вердикта. Для меня почти невозможно отказать им, а если увлечься, то я могу провести целый день за чтением рукописей и составлением хвалебных отзывов для книжных обложек.

Видите стопку длинных листов на вершине кучи? Это недавно полученные гранки новой книги "Беспристрастное суждение", написанной моим старым .другом — судьей национальной футбольной лиги Джимом Таннеем. Недавно я послал свой отзыв его издателям.

Немногие люди, даже близкие друзья, допускаются в этот кабинет. Да, для вас я делаю исключение. Однако несколько лет назад, после вечеринки, Джим стоял там, где вы стоите сейчас, и смотрел на мой стол и пишущую машинку со странным выражением лица.

— В чем дело, Джим? — озадаченно спросил я.

Единственный человек, когда-либо судивший целых три матча на Суперкубок и принимавший на себя груз огромной ответственности, лишь покачал головой и слабо улыбнулся.

— Все в порядке. Or, — едва ли не прошептал он. — Мне кажется, будто я получаю энергию, просто находясь в этой особенной комнате, где впервые оживали все великие персонажи, о которых ты писал. Когда-нибудь... когда-нибудь я напишу собственную книгу!

Джим не расстался со своей мечтой. Понадобилось некоторое время, но теперь я вижу его "когда-нибудь": гранки новой книги, которой, без сомнения, суждено стать бестселлером.

Как вы можете видеть, обои, шторы, занавески, ковер и обивка мебели в этой комнате, расположенной в юго-западном углу нашего дома, выдержаны в коричневых, ореховых и черных тонах. Когда моя жена Бетти выбирала подходящие цвета для интерьера нашего жилья, она сказала, что на самом деле не имеет значения, какими будут обои в этой комнате, — она знает, что я все равно скоро закрою все свободные места всякими памятными безделушками того или иного рода. Конечно же, она оказалась права.

Мой так называемый кабинет, который находится рядом с кухней и кладовкой, имеет размер 12 на 19 футов. Когда мне кажется, что кабинет стал слишком тесен, я напоминаю себе, что весь дом моего любимого автора Генри Торо возле пруда Уолден имел размеры лишь 10 на 15 футов, и он никогда не жаловался на нехватку свободного места.

Стена слева от входа — это мое "хвастливое" место. Поскольку

Между письмом и рисунком вставлена лента с надписью “Награда за превосходную учебу” от учителя Мэтта. Когда Мэтт принес ее домой и показал мне, в мире не было более гордого отца, чем я. Я обнял его и, кажется, даже немного всплакнул. Это поразило его.

На этом низком книжном шкафу, под рисунками и наградами в коробках фотографий, слайдов и альбомов сложены тридцать с хвостиком лет, плюс пара фотоаппаратов. На полу лежит другая куча: почетные грамоты и благодарности, врученные мне различными обществами и ассоциациями, о которых я недавно упоминал. Как видите, для них больше нет места на стенах, но я почему-то не могу заставить себя убрать их.

Следующий шкаф, состоящий из трех полок, наполнен книгами о жизни Христа. Это лишь крошечная часть тех томов, которые я прочитал за десять лет, пока проводил исследования для книги “Полномочия Мессии”. Это самая трудная из моих книг. Я навсегда останусь благодарен “Юнайтед Пресс Интернешнл” за хвалебные слова в отзыве: “Один из новейших и наиболее оригинальных подходов к. душе христианства, появившихся за последнее время”

В этих двух книжных шкафах в углу, вместе с другими вещами, когда-то хранились оригиналы всех моих рукописей; но с тех пор я поумнел, и теперь они лежат в сейфе. К подоконнику южной стены примыкает длинный низкий стол, на котором в данный момент стоит картонная коробка со старыми газетными вырезками и статьями про меня, предназначенная для отправки в гараж. Здесь есть глобус с подсветкой, который мне иногда нравится включать, два маленьких пейзажа маслом, написанных моими друзьями, нераспечатанный долгоиграющий альбом “Шестидесятые — я могу слышать их сейчас” в обработке Уолтера Кронкайта, несколько увеличенных снимков Мэтта и его отца на поле для гольфа, цветная фотография моего брата Сильвио в мундире, подписанная “Огу, моему лучшему старшему офицеру”, большая Библия и несколько кассет, присланных коллегами-ораторами для критических отзывов.

На этой же стене рядом с окном висит фотография: я и команда моего бомбардировщика Б-24 перед началом германской кампании **1943** года, совершившая тридцать боевых вылетов. Далее следует мое свидетельство о присвоении чина старшего лейтенанта; трехмерная репродукция “Мольбы” Дюрера; большой серебряный свиток, нуждающийся в полировке, с выгравированным посвящением Огу Мандино от клуба торговли и управления Гвадалахары; подлинная фотография с автографом Чарльза Линдберга, моего первого героя, запечатленного рядом со своим самолетом “Дух Сент-Луиса”; рамка с каллиграфическим древним пергаментом “Молитвы торговца” из моей книги “Величайший торговец в мире”.

Нет, я пока что не имею компьютера. На этой пишущей машинке IBM урожая 1965 года, примостившейся на откидной полке возле

сем, хотя иногда сердце буквально разрывается, когда замечательные люди честно и подробно описывают, как низко они пали, прежде чем одна из моих книг вошла в их жизнь и помогла изменить ее к лучшему. Я храню каждое из этих драгоценных писем. Они сложены в картонных ящиках в гараже. Барахольщик, да и только.

На столе также лежат архивные папки с информацией для нескольких следующих речей — в Нью-Йорке, Сиэтле, Бостоне, Мехико, Торонто, Далласе. Я ограничиваюсь двумя речами в месяц и каждые два, года стараюсь представить своим издателям новую книгу. В остальное время я в буквальном смысле нюхаю розы... потом я покажу их вам, на заднем дворе. Там великое множество роз.

Еще на столе стоит раскрашенная сепией свадебная фотография моих любимых родителей; футовая керамическая статуэтка работы Бетти, изображающая маленького мальчика в бейсбольной форме с надписью "Цыплята" на груди (это название первой команды Младшей Лиги, за которую выступал Мэтт); большой календарь, испещренный памятками о предстоящих встречах и речах на большую часть этого года и начало следующего; несколько блокнотов с линованной бумагой; список "СДЕЛАЙ ЭТО СЕГОДНЯ!"; справочные карточки повсюду; телефон с автоответчиком "Кобра"; фотография Дэна, тренирующего молодежную футбольную команду; фотография Мэтта со своей командой перед чемпионатом Младшей Лиги 1987 года.

Рядом с пишущей машинкой расположены маленький магнитофон и стопка листов белой бумаги. Чтобы написать одну книгу, я использую более четырех тысяч листов и много раз наполняю мусорное ведро. В пределах досягаемости также лежат "Новый коллегиальный словарь Вебстера" и "Идеографический словарь Роже". Западная стена находится у меня за спиной, когда я пишу. Под единственным окном с этой стороны стоит еще один книжный шкаф, наполненный справочными изданиями, которыми я часто пользуюсь. Здесь можно увидеть "Руководство по стилю" Чикагского университета, "Великие сокровища западной мысли" Адлера и Ван Дорена, "Новый словарь мыслей", "Элементы стиля" Уайта и "Дневники истории". На полу валяется несколько телефонных справочников и два моих чемоданчика. Больший из них путешествует со мной, лишь когда я работаю над очередной книгой.

В углу слева от меня стоит старый стул, в течение многих лет занимаемый моим любимым бассет-хаундом Слипперсом, которому я посвятил книгу "Величайший торговец в мире, часть II. Конец истории". Мне очень его. не хватает, хотя он ушел от нас уже почти два года назад. Да, это его старая косточка по-прежнему лежит на сиденье стула.

Книги в пять рядов высотой закрывают всю северную, последнюю стену. Это книги на всевозможные темы — от религии до пси-

хологии, от инвестиций до душевного здоровья. Верхняя крышка длинного шкафа с годами превратилась в хранилище для сотен предметов, имеющих для меня особенное значение. Я перечислю лишь некоторые из них. Вот экземпляр первого выпуска журнала "Успех без границ", который я редактировал в 1965 году. Рядом с ним — небольшая картина, полученная в подарок от одного заключенного, где изображен Саймон Поттер — герой-старьевщик из моей книги "Величайшее чудо в мире". Вот пара крошечных тапочек, принадлежавших Дэну, а рядом с ними — маленький кожаный ремень, который носил Мэтт в возрасте четырех лет. Вот моя фотография, на которой я подписываю книги в Фэйрхоупе, штат Алабама; мой старый паспорт;

потускневшие крылышки бомбардира ВВС США; один из первых зубов Метта, который зубная фея заменила монеткой в четверть доллара; именные значки и таблички с бесчисленных конференций, где я читал лекции; отпиленная рукоятка бейсбольной биты юношеской Лиги; цветная фотография чудесного парка в Гватемала-Сити, где я держал речь перед толпой зрителей несколько лет назад; трогательная записка от молодой леди, моей поклонницы, впоследствии умершей от лейкемии; приглашение на восьмидесятый юбилей Клемента Стоуна;

фотография прекрасной молодой медсестры Марии Бернардо, обнимающей меня, когда я приехал подписывать свои книги в Манилу; несколько маленьких Библий;

пластиковые герани, продолжающие поступать от многих читателей, тронутых историей "Величайшего чуда в мире"; мичиганская номерная табличка с надписью "УСПЕХ"; поздравительные открытки от моих мальчиков; значок в честь десятого ежегодного фестиваля Гленна Миллера[4] в Кларинде, штат Айова; прокламация мэра Лимы, штат Огайо, объявляющая 27 июля 1981 года днем Ога Мандино; старый стереоскоп; две старые катушки с лентой для пишущей машинки IBM, на которой были напечатаны мои первые одиннадцать книг; альбом с гербарием из Святой Земли; новые семейные фотографии. Над шкафом во всю стену до потолка выстроились именные таблички, призы и почетные грамоты, включая премию национального качества за гарантии в страховании жизни, датированную (Боже, помоги мне!) 1954 годом.

На небольшом столике перед вами можно видеть кипы книг, видеокассет и катушек с пленками, которые я отснял за последние двадцать лет и сейчас постепенно редактирую для перевода на видеоформат. Моя основная проблема заключается в том, что я не могу заставить себя избавиться от лишнего метража в старых бобинах, поскольку там содержатся драгоценные воспоминания, которые мне не хочется отправлять в мусорное ведро. В результате мы содержим довольно значительную семейную видеотеку. Под всеми этими ка-

тушками — крышка столика в виде шахматной доски, выложенная деревянными квадратами разного цвета, искусно пригнанными друг к другу. Мэтт соорудил ее вскоре после окончания школы, и она заслуживает гораздо более почетного места.

Слева от вас, рядом с дверью, находится еще несколько памятных табличек и оправленная в рамку копия прощальной статьи, написанной мною для журнала "Успех без границ" в 1976 году, когда я объявил о своем намерении уйти на пенсию в возрасте пятидесяти двух лет, чтобы "облегчить жизнь". Разве не смешно? С тех пор я прочитал более четырехсот речей в четырнадцати странах и написал восемь книг.

Видите эту моментальную фотографию в рамке у самой двери? Она занимает особое место на стене... и в моем сердце. Несколько лет назад я получил письмо от убитой горем матери, писавшей, что ее молодой сын умирает от рака мозга и ему остается жить лишь несколько месяцев. Он только что закончил читать "Дар Акабара", написанный мною в соавторстве с Бадди Кэем, и попросил свою мать купить ему по экземпляру книги для двенадцати ближайших друзей, "чтобы они всегда помнили его". В письме содержалась просьба: если она пришлет мне книги, не буду ли я любезен подписать их для друзей бедного Дуга? Тогда он будет счастлив.

Я ответил немедленно. Мне были нужны лишь имена, об остальном я позабочусь сам. Такой маленький подарок для такого мужественного паренька.

В "Даре Акабара", если вы не читали эту книгу, рассказывается о юноше-инвалиде из Лапландии, который трудился в долгие, темные зимние месяцы и сделал большого воздушного змея. Потом он запустил змея высоко в небо, чтобы поймать звезду и подтянуть ее ближе к земле для освещения своей бедной деревушки. Ему это удалось... Звезда, которую зовут Акабар, разговаривала с ним и научила его многим вещам, прежде чем вернуться на небеса ранней весной, когда солнце снова появляется над горизонтом.

Дуг, Боже. благослови его, каким-то чудом оставался в живых еще два "года. Но потом я получил от его матери письмо, которого заранее страшился. Вместе с письмом пришла фотокарточка с изображением скромного надгробного камня, а рядом с надгробием... видите моток темной проволоки, а на ней — красный воздушный змей, обнимающий звезду!

Я очень счастливый человек. Сама возможность сидеть за пишущей машинкой и соприкасаться с такими людьми, как Дуг, — это такое чудо, что, когда я подолгу размышляю о нем, мне становится страшновато, даже в моем возрасте.

И наконец, прямо под выключателем висит матерчатый плакат, давний подарок от Бетти. Мне по-прежнему нравится лозунг: "Боже, дай мне терпения... и немедленно!"

Надеюсь, теперь вы чувствуете себя как дома?

Хорошо. Садитесь, снимайте туфли и откиньтесь на спинку кресла. Позвольте мне протянуть руку и помочь вам...

IV

Вообразите эту сцену для меня, если можете.

Серое, сырое и пасмурное утро в одном из наиболее бедных и опасных пригородов Кливленда. Температура колеблется около нуля, ранний снегопад сменился снегом с дождем; замусоренные улицы с бесконечными рядами тусклых баров, лавочек с дешевой порнографией и дурно пахнущих кафе, почти лишенных признаков человеческого обитания. Здесь трудно найти хотя бы малейший намек на то, что до Рождества остается лишь четыре недели.

Внезапно мы видим движение... признак жизни. В поисках защиты от стихии к треснувшему стеклу ломбарда прижался какой-то бродяга в рваной хлопчатобумажной рубашке, почти не защищающей его худое тело от холода и сырости. Его спутанные волосы грязными прядями спадают на плечи, глаза покраснели от дешевого вина, уже выпитого сегодня утром, а живот подводит от голода.

Прижавшись бородатым лицом к запыленному стеклу, он рассматривает внутренность ломбарда. Что-то привлекает его внимание. Пистолет... маленький пистолет с прикрепленной к нему желтой табличкой: “29 долларов”.

Бродяга со стоном засовывает окоченевшую правую руку в карман засаленных джинсов и достает три мятых десятидолларовых купюры: все, что у него осталось.

— Вот ответ на все мои проблемы! — негромко восклицает он. — Я куплю этот пистолет с парой патронов к нему и отнесу в ту грязную дыру, где сейчас живу. Потом я заряжу пистолет, приставлю дуло к виску... и нажму на курок! И никогда больше, никогда мне не придется видеть в зеркале лицо этого жалкого неудачника!

Этот человек действительно неудачник. Всего лишь за несколько лет он умудрился потерять все, что придавало его жизни ценность и осмысленность: любящую жену, прекрасную дочь, хороший дом и нормальную работу, не говоря уже о его гордости, вере и уверенности в своих силах. Как и многие из нас, он попытался сыграть с жизнью в рулетку, не позаботившись выучить правила игры. Теперь ему приходится платить за свое невежество. Стоя под холодным дождем этим унылым утром, он готов отказаться от своей жизни.

Это достойное жалости человеческое существо, уже почти решившее лишить себя будущего, — не редкость в наши дни.

Увы, такой сценарий сотни раз ежедневно повторяется в нашей прекрасной стране, когда люди в конце концов утрачивают остатки надежды на завтрашний день, который когда-то таил в себе столько обещаний. И это не говоря уже о тысячах других, которые не лишают

себя жизни, но все равно сдаются. Они ставят на себе крест и позволяют своим мечтам исчезнуть в тумане прошлого. Они перестают жить и просто существуют, — это то, что Торо называл "жизнью, полной тихого отчаяния". Они уже мертвы в возрасте пятидесяти, сорока, тридцати или даже двадцати пяти... хотя их хоронят, как правило, не раньше семидесяти двух.

К счастью, тот бедняга, тот неудачник, дрожавший под дождем в Кливленде, так и не купил пистолет. Он не расстался с жизнью в то ужасное утро много лет назад.

Если бы он сделал это, то я бы не смог поделиться с вами своими воспоминаниями... или помочь вам сделать ваши мечты действительностью.

V

Трагедии, материальные неурядицы, утрата любви, потеря работы, развод, отсутствие перспективы, недостаток образования, чувство неполноценности, алкоголь и наркотики — вот лишь некоторые из стрел безжалостной судьбы, способные ранить вас на день, неделю, месяц или на целый год.

Но вы способны справиться с любым несчастьем и изменить к лучшему свою жизнь, как только сможете убедить себя, что в году никогда не было и не будет трехсот шестидесяти пяти дней, наполненных солнечным светом, мороженым, смехом и музыкой. Как сказал президент Кеннеди, "жизнь несправедлива. Она никогда не была и не будет справедливой". Даже наиболее преуспевшим людям, наиболее удачливым и прославленным представителям человеческого рода приходилось переживать моменты отчаяния и безнадежности.

Почему я не купил тот пистолет и не покончил с жизнью? Возможно, мне не хватило выдержки. Даже простой акт самоубийства требует мужества, а я пал так низко и находился в таком ужасном состоянии духа, что даже не мог заставить себя положить конец своим страданиям.

Наверное, вполне естественно — а спустя столько лет я даже ожидаю этого, — что в любом интервью с прессой, на радио или телевидении мне всегда задают одни и те же вопросы. Как вам удалось так круто повернуть ход своей жизни? Как вы смогли меньше чем за десять лет подняться из сточной канавы к руководству общенациональным журналом? Где вы, неудачник со средним образованием, получили опыт и знания, позволившие вам написать столько бестселлеров? И какие секреты успеха (они до сих пор упорно называют это "секретами"), открытые вами, могут помочь другим людям, отчаявшимся и разочарованным, начать лучшую жизнь?

Вернемся в прошлое вместе со мной...

Моя мать была мужественной веснушчатой ирландкой, а отец — трудолюбивым итальянским иммигрантом, чей талант садовника

спасал семью от голода в годы депрессии. Несмотря на нашу бедность мать твердо верила и сумела, еще задолго до поступления в школу, убедить в этом меня, что когда-нибудь я стану писателем. “И не просто писателем, — всегда добавляла она, — а великим писателем!”

Я заразился ее убежденностью. Будущее “великого писателя” вполне устраивало меня, и чтобы, порадовать. маму, я начал писать короткие рассказы и читать книжки для взрослых еще в начальных классах, пока другие дети осваивали азы правописания. Мы не забывали о нашей мечте, и в выпускном классе Натикской средней школы в Массачусетсе я с гордостью носил звание редактора школьной газеты. Наконец после нескольких месяцев изучения каталогов разных колледжей мы с мамой решили, что для меня больше всего подходит школа журналистики при университете Миссури, и приступили к осуществлению наших планов. Во время церемонии окончания школы в единственном кинотеатре нашего городка мои родители со слезами радости на глазах слушали, как я читал “Благодарственное слово”, сочиненное мною лично по поводу торжественного события.

Два месяца спустя после школьного выпуска июня 1940 года, когда мама готовила для меня ленч в нашей маленькой кухне, ее бедное сердце внезапно остановилось, и она умерла у меня на глазах. Это был конец- мечты. Вместо того чтобы поступить в колледж, я поспешно записался в ВВС, окончил курсы бомбардиров и в конечном счете совершил тридцать боевых вылетов с эскадрильей Джимми Стюарта в 1944—1945 годах.

Я вернулся с войны в 1945 году и вскоре обнаружил, что бомбардиру со средним образованием не так-то просто найти работу. Впрочем, это меня не слишком беспокоило. Я заслужил пару серебряных крылышек на кителе, еще не достигнув возраста, в котором американцы получают право голоса, не говоря уже о нескольких боевых наградах. Я не сомневался, что смогу что-нибудь придумать.

Хотя лондонские вечеринки между боевыми вылетами исчерпали большую часть моего ежемесячного жалованья, у меня еще оставалось больше девятисот долларов, когда я вернулся в Нью-Йорк после увольнения из ВВС и самонадеянно арендовал квартиру неподалеку от Таймс-сквер. Затем я купил подержанную портативную машинку “Смит-Корона” и принадлежности для письма. Было еще не слишком поздно, исполнить мечту моей матери. Я все-таки стану писателем... великим писателем!

Но меня постигла неудача. В течение следующих шести месяцев, устроив на кухне, засиженной тараканами, творческую мастерскую, я посетил по меньшей мере пятьдесят журналов, чьи редакции находились в пределах досягаемости, но никто не выказал особого интереса к моему предложению. Я оставлял копии статей, коротких

рассказов, несколько стихотворений, даже хитроумные кроссворды, но почтальон так ни разу и не принес мне чек от издателя. Наконец когда мои сбережения подошли к концу, я снова отказался от мечты, вернулся в Бостон и обратился с письменным заявлением в клуб ветеранов, выплачивавший почетным отставникам ВВС двадцать долларов в неделю в течение сорока двух недель. Наконец, после десятков мучительных и безрезультатных переговоров меня взяли на стажировку агентом по страхованию в крупную государственную компанию. "Стажировка" продолжалась четыре дня, а потом меня направили в прибрежный городок Уинтроп в качество дебетового агента. Представители этой ныне устаревшей профессии некогда ходили по домам клиентов и собирали страховые премии. Через несколько месяцев я женился, и мы с женой поселились в старом доме на две семьи. Так начались десять самых ужасных лет моей жизни... для меня и для несчастных людей, составлявших мое ближайшее окружение.

Вскоре я попал в беличье колесо. Я никогда не опережал своих кредиторов больше, чем на несколько дней, а ежемесячные выплаты были жесточайшим испытанием, несмотря на тяжелую и утомительную работу. Я мог отправиться куда угодно, в любое время суток, чтобы продать страховой полис, и все равно счетов было больше, чем денег на их оплату. Бог благословил меня чудесной дочерью, и я трудился еще упорнее ради ее блага. Но все было тщетно. Хотя и моя жена в конце концов снова начала работать, мы с каждым месяцем все глубже увязали в долгах.

Как-то вечером, не сумев заключить страховой договор с перспективным клиентом, я зашел в бар по дороге домой, чтобы пропустить стаканчик. Бог знает, я этого заслуживал... правда? День выдался тяжелый, к тому же из-под носа уплыла верная сделка, за которую я мог получить шестьдесят долларов комиссионных — тех самых долларов, в которых я так отчаянно нуждался. Вскоре один "трудовой" стаканчик после работы превратился в два... потом в четыре... потом в шесть... Так в течение нескольких месяцев из-за своей бездумности и легкомыслия я утратил любовь двух самых дорогих для меня людей. Я превратил их жизнь на земле в настоящий ад.

В конце концов я заплатил за свое непростительное поведение. Вернувшись домой в воскресенье после совещания страховых агентов в Бреттон-Вудс, штат Нью-Гемпшир, я увидел короткую записку на кухонном столе. Моя жена и дочь уехали. Они испили свою чашу страданий с жалким подобием мужа и отца, в которое я превратился. Два года спустя мне сообщили, что моя жена добилась развода и получила права на опеку над .дочерью.

Того, что последовало за их отъездом, можно было ожидать. Избавившись от единственных людей в мире, любивших меня, я погрузился в пучину алкоголя и жалости к себе. Процесс шел по нарас-

этом заключалось главное различие между книгой Стоуна и Хилла и всеми остальными. Бесплатный сыр в ней не предлагался. Я залпом проглотил книгу и многократно перечитывал ее до тех пор, пока фактически не вызубрил все "мысли, которых следует придерживаться" в конце каждой главы.

Затем подоспел очередной Божий дар. Изучая и усваивая великую книгу Стоуна и Хилла, я познакомился с необыкновенной женщиной и влюбился в нее. Она настолько вдохновила меня, что я наконец собрался с силами, поехал в Бостон и обратился с просьбой о поступлении на работу коммивояжером в страховую компанию Клемента Стоуна. К моему величайшему удивлению, я получил согласие. Они решили попытать счастья с тридцатипятилетним неудачником. Вскоре после этого я женился на Бетти. Мы до сих пор вместе... и до сих пор любим друг друга.

На этот раз, обладая надлежащей тренировкой и большим желанием работать, я стал преуспевающим коммерсантом, и с каждой неделей зарабатывал больше денег, чем когда-либо имел в своей жизни. Через год меня назначили менеджером по продажам на территории Северного Мэна, где я набрал под свое начало группу голодных и честолюбивых сотрудников, многие из которых недавно приехали в город с окрестных ферм. Вскоре объемы наших продаж привлекли внимание головной компании. После долгих лет неудач я чувствовал себя превосходно и упивался славой и признанием. Но наша с мамой старая мечта все-таки время от времени всплывала на поверхность. Стать писателем... великим писателем!

Наконец я прислушался к внутреннему голосу, взял недельный отпуск, приобрел пишущую машинку и написал руководство по продажам, где говорилось о том, как лучше заключать страховые договоры с жителями сельских районов с использованием принципов успеха Клемента Стоуна. Многократно переписав свое произведение, я отпечатал его так аккуратно, как только мог, положил в коричневую папку и отправил по почте в центральный офис мистера Стоуна в Чикаго с надеждой на то, что кто-нибудь в самом деле прочитает мою работу и поймет, какой великий талант пропадает в Северном Мэне. Кто-то прочитал... и через несколько месяцев мы с Бетти и нашим новорожденным первенцем Дэном переехали в Чикаго, где мне дали работу в отделе рекламы и маркетинга — составлять материалы для стимулирующих программ и бюллетеней. Я наконец начал писать!

В 1954 году Наполеон Хилл и Клемент Стоун открыли журнал под названием "Успех без границ". Хотя у журнала имелось несколько тысяч подписчиков, в течение первых десяти лет он использовался в основном как внутренний печатный орган страховой корпорации Клемента Стоуна. Каждый месяц там печатались бесчисленные мотивационные статьи, сведения о продажах и редакционная колонка, написанная самим Стоуном. Проработав в маркетинговом бизнесе

Однажды я купил очень дорогой автомобиль со съемным верхом. Продавец без труда убедил меня, что не следует оставлять это драгоценное средство передвижения на улице или общественной автостоянке, не установив сперва противоугонную систему. Если вор проникнет внутрь и попытается завести двигатель, соединив провода зажигания, пронзительный вой сирены должен спугнуть его. Разумеется, я согласился.

Как-то вечером, опаздывая на важную встречу, я вошел в гараж, сел в автомобиль, вставил ключ в замок зажигания, повернул его... но ничего не произошло. Двигатель даже не кашлянул. Сел аккумулятор? Едва ли. Я включил радио, и оно сразу же заиграло. Я вставил кассету в магнитофон, и услышал голос Эллы Фитцджеральд — прекрасная акустическая система. Я включил "дворники": две струйки воды брызнули из скрытых отверстий, и стеклоочистители синхронно заходили взад-вперед во ветровому стеклу. Расстроенный и немного рассерженный, я вернулся домой и позвонил автомобильному дилеру, обслуживающему мою машину.

— Мы снабдили вашу крошку противоугонной системой, не так ли? — осведомился он.

— Да, стоимостью в триста долларов!

— Тогда, должно быть, вы случайно задели "убойный переключатель".

.— "Убойный переключатель"?

— Да, это одна из особенностей наиболее сложных противоугонных систем. Разве вам не объяснили, когда устанавливали сигнализацию?

Меня уже переполнял гнев.

— Я бы определенно запомнил, если бы кто-то упомянул об установке "убойного переключателя" в моем автомобиле. Что это такое и где оно находится?

— Это часть противоугонной системы. Когда вы выходите из автомобиля и запираете его, то потом поворачиваете другой ключ в маленькой скважине, вмонтированной под крылом, правильно? Включается сигнализация, и если кто-нибудь попытается вскрыть дверь или разбить стекло, сразу же звучит сирена.

— Правильно.

— Так вот, "убойный переключатель" — это дополнительная мера защиты. Он находится где-то в салоне, обычно под приборной панелью или под ковриком. Если вы включаете его перед тем, как выйти из автомобиля, а потом включаете внешнюю сигнализацию, то можете считать себя полностью защищенным от угона. Даже если кто-то вломится в салон и попытается накоротко соединить провода зажигания под вой сирены, у него ничего не получится. "Убойный переключатель" размыкает электрическую цепь аккумуляторной батареи и системы зажигания. Автомобиль просто нельзя завести.

отеле и снабжали автора графиком выступлений в каждом городе. Нам приходилось самостоятельно добираться до аэропортов и отелей, постоянно разъезжать на такси из одного места в другое. Если человек назначал по семь-восемь встреч в день (что не было редкостью), и места встреч были разбросаны по большой территории, как в Лос-Анджелесе, то умение вовремя попасть в нужное место превращалось в вызов для нашей выносливости, проворства и сообразительности.

Мне помнится случай, который произошел несколько лет назад в Нэшвилле, когда я совершал очередной тур по стране. Молодой чернокожий таксист отвез меня из отеля в пригород для выступления в "Дневном шоу" на студии WSM-TV. Поскольку поездка была довольно долгой, мы разговорились. Водитель, которого звали Рэймондом Брайтом, был восхищен тем, что его пассажир собирается выступать на телевидении.

В моем плотном графике, отпечатанном на нескольких листах бумаги, сообщалось, что эта программа выйдет в живом эфире из студийной аудитории; ее стиль напоминал "Ночное шоу" с выступлением джаз-оркестра и нескольких популярных певцов. Когда мы подъехали к нужному зданию, мой шофер громко сказал:

— Это самая классная телестудия в Нэшвилле!

Вероятно, списанное правило о бережном и заботливом отношении к людям глубоко засело в моем сознании, поскольку я подробно рассказывал о нем во время вчерашнего выступления. Как бы то ни было, расплачиваясь с Рэем, я внезапно спросил:

— Вы когда-нибудь видели съемки телевизионного шоу?

— Нет, сэр.

— Что ж... если у вас есть полтора часа свободного времени и если я оплачу вам простой машины, то не хотите ли вы пойти со мной и посмотреть, каким ослом я себя выставлю перед камерой?

Его глаза широко распахнулись.

— Вы серьезно?

— Само собой. А когда шоу закончится, вы сможете отвезти меня в книжный магазин Коксберри, где я буду подписывать свои книги в половине второго.

Водитель такси вывесил желтый флажок на счетчике (это означало, что он не собирается выставлять плату за простой) и выскочил из машины. На телестудии я представил своего нового знакомого изумленному ведущему Тедди Барту и продюсеру Элейн Геник. Они провели нас в ярко освещенную студию, где оркестр уже настраивал инструменты. Рэя усадили на почетное место в первом ряду, и, пока я совещался с Тедди и Элейн, обсуждая тему предстоящей беседы, он благоговейно смотрел, как музыканты репетируют свои номера, а телевизионные камеры и микрофоны поворачиваются в разные стороны.

чении. Большинство из нас полагает, что, обладая огромным богатством или властью, человек обязательно будет счастлив, однако я знаю нескольких очень несчастных и одиноких миллионеров. Недавно, во время увлекательного круиза по Панамскому каналу на борту "Ронял Принцесс", я поразился тому, как мало счастливых лиц можно увидеть на этом роскошном лайнере. Комфорт, постоянное внимание и хорошее обслуживание ничего не значили для большинства пассажиров. Впрочем, мне не следовало удивляться. Если ингредиенты счастья не находятся в душе человека, никакие материальные блага, развлечения и платиновые кредитные карточки не заставят его улыбаться.

Мой старый друг Торо много говорил на эту тему. Вот одно из его наблюдений: "Исходя из личного опыта, я убежден, что человек может поддерживать свою жизнь на этой земле не тяжкими усилиями, но приятным и радостным трудом, если будет жить просто и мудро. Большинство предметов роскоши и так называемых жизненных удобств не только не являются необходимыми, но и ставят препоны для развития человечества".

Помните Белого Рыцаря из сказки Льюиса Кэрролла[15] "Алиса в Зазеркалье"? Когда Алиса встретилась с ним, он был нагружен разнообразными "удобствами":

ульем, чтобы ловить пчел, мышеловкой для защиты от грызунов, браслетами от укусов акул на ногах у коня и даже блюдом для пудинга на тот случай, если какая-нибудь добрая душа предложит ему угоститься. Согбенный под грузом излишеств. Белый Рыцарь представляет собой превосходный символ для людей, которые ищут счастья в накоплении денег, вещей и недвижимости.

Счастье... это бабочка? Может быть, и нет. "Для счастливой жизни нужно очень мало, — писал Марк Аврелий. — Все заключается в человеке, в его образе мыслей". Вы можете вечно искать счастье и не находить его, если не заглянете в себя, в свою душу и сердце, и не поделитесь своим богатством с другими людьми, не думая о вознаграждении.

Послушайте Джорджа Элиота: "Заботясь о своих мелочных удовольствиях, мы можем достигнуть лишь убогого подобия счастья. Настоящее счастье приходит лишь с истинным величием мысли и теплыми чувствами к окружающему миру и самому себе. Этот особый род счастья часто приносит так много страданий, что мы можем отличить его от мук лишь благодаря свободному выбору, ибо в душе сознаем, что это благо".

Хорошо иметь деньги и вещи, которые можно купить за деньги, но не мешает время от времени убеждаться, что вы не утратили те вещи, которые нельзя купить ни за какие деньги.

Протягивайте другим руку помощи. Счастье — всего лишь побочный продукт вашего отношения к своим братьям по разуму.

Примечания

[1] Торо Генри Давид (1817—1862) — американский писатель XIX в.;

известен активной защитой индивидуализма и простой жизни; представитель трансцендентализма. “Уолден, или Жизнь в лесу” (1854) — романтическая робинзонада о жизни человека в мире природы как возможности спасения личности от современной цивилизации.

[2] Один фут равен 0,3 м.

[3] Колридж Сэмюэл Тейлор (1772— 1834) — английский поэт, один из основателей движения романтиков. Среди его прекрасных работ поэмы “Кристатель” и “Кубла Хан”.

[4] Миллер Гленн (1904—1944) — английский композитор, тромбонист, руководитель джазового оркестра, представитель свингового направления с 1938 г. В годы Второй мировой войны руководил оркестром Военно-воздушных сил США.

Пропал без вести при перелете из Англии во Францию.

[5] Аллен Джеймс (1864—1912) — психолог, специалист по проблемам мышления, автор трудов “As you think”, “As a man thinketh”.

[6] Марк Аврелий Антоний (121— 180 н.э.) — римский император с 161 г., философ-стоик. Считался одним из лучших римских императоров, однако преследовал христиан по политическим мотивам.

[7] Стивенсон Роберт Льюис (1850—1894) — шотландский писатель и поэт, автор известных романов “Остров сокровищ”, “Хозяин Баллантре”, “Доктор Джекил и мистер Хайд” и др.

[8] Франклин Бенджамин (1706— 1790) — американский издатель, писатель, ученый и государственный деятель.

[9] Шопенгауэр Артур (1788— 1860) — немецкий философ-иррационалист. Представитель волюнтаризма.

[10] Монтень Мишель де **(1533**— 1592) — французский писатель, философ-гуманист. Его произведение “Опыты”, направленное против схоластики и догматизма, рассматривало человека как самую большую ценность.

[11] Вашингтон Букер Тальяферро (1856—1915) — американский педагог и реформатор, борец за права чернокожих американцев, учредитель и первый президент Tusregee Institute, где молодежь из негритянских семей могла получать образование.

[12] Уитмен Уолт (1819—1892) — американский поэт, журналист и очеркист. Его сборник стихов “Листья травы” и стал поворотным пунктом в истории американской литературы.

[13] Смайлс, Сэмюэл (1812—1904) — медик по образованию, впоследствии известный шотландский журналист и писатель, прославившийся своей дидактической работой “Помоги себе сам”, где

основное внимание уделял таким ценностям, как бережливость, соблюдение обязательств и самосовершенствование.

[14] Готторн Натаниел (1804—1864) — американский романист (“Алая буква”, “Дом о семи фронтонах” и др.) и мастер короткого рассказа. Для его творчества характерны налет мистицизма, романтическая символика, интерес к психологическим аномалиям.

[15] Кэрролл Льюис (1832—1898) — английский писатель, математик и логик. Настоящее имя Чарлз Латуидж Доджсон. Самыми известными его произведениями являются “Алиса в Стране чудес” и “Алиса в Зазеркалье”. Научные работы Кэрролла предвосхитили некоторые идеи математической логики.

[16] Элиот Джордж (1819—1880) — псевдоним английской писательницы Мари Энн Эванс. Ее перу принадлежат пасторали “Адам Бад”, “Мельница на Флоссе”, романы “Сайлес Марнер”, “Даниель Деронда” и известнейший и крупнейший — “Мидлмарч”.

Оглавление

Часть 1. Уроки из моего прошлого 5
Часть 2. Правила для лучшей жизни 32
Эпилог 73
Примечания 74